

Пионер из Сталинграда

Стегнув уставшую лошадь концом повода, Саша Абрамов, коренастый, белокурый подросток, выехал на вершину холма. Кругом, насколько охватывал глаз, раскинулась серая сталинградская степь. Южное жаркое солнце иссушило степные травы, и они поблекли, побурели.

Вдали кто-то ехал на двух запряженных в арбу волах. Узкая дорога вела к станице.

«Ужели добрался? А вдруг заплутался? – с тревогой подумал Саша, смотря на белые домики и зелень садов. – Нет, этого не может быть! Дорогу я расспросил точно».

Саша спустился с холма и вскоре въехал в станицу. Одетый в рваные большие ботинки, в домашние серенькие с искоркой штаны и коричневую сатиновую рубашку, он ничего с виду не отличался от здешних станичных ребятишек. Саша медленно поехал вдоль станицы.

У заросшего осокой ручья, под стройным тополем, стояла хатка, сбитая из глины. Когда Саша подъехал ближе, из неё вышел немец – высокий, с длинными усами и пистолетом на боку. У него были мутные красноватые глаза и от него несло водкой. Усатый схватил Сашиного коня под уздцы и крикнул мальчику:

– Хальт!

Это был офицер, и он, к большому изумлению Саши, интересовался больше его конем, чем им самим. Осмотрел немец коня внимательно, похлопал его по шее, заглянул в зубы. А потом, окончив осмотр, сказал:

– Рус, этот лошатка – мне, tipe дам другой лошатка. Далеко поездаешь?

– Н-нет... Я здешний, – тихо проговорил Саша, мало-помалу приходя в себя.

Ему привели тощую маленькую кобылку. У неё была длинная спутанная грива, гноящиеся глаза и израненная нога.

– Вот какой кароший даю tipe лошатка, – сказал офицер рассмеявшись. – Што ты глаза выпучил? Не нравится?

И Саша вновь поехал. Лошадь еле-еле переставляла по примятой траве ноги. Он изредка подстёгивал её прутом, а сам всё время смотрел по сторонам – пытливо, жадно...

Среди села, у школы, стояло до сорока автомобилей. Они только что пришли. С них спешно разгружались пехотинцы и минометчики. Возле автомобилей суетился офицер. Он был без фуражки, запылен. То и дело вытирал платком лысеющую голову, офицер сердито покрикивал на нерасторопных солдат.

За школой, в лощине, стояли танки с черными крестами на орудийных башнях. Саша насчитал тридцать машин. Водители рвали на лугу серебристую полынь и маскировали ею свои танки. Саша не спеша проехал мимо и свернул на другую улицу. Налево, в яблоневоm саду, он увидел ещё семь танков.

Станица кончилась. Саша выехал в степь. Здесь солдаты рыли окопы. На холме работали артиллеристы. Немного раньше они установили на отрытые в земле площадки четыре длинноствольных пушки и теперь натягивали над ними зеленоватые маскировочные сетки.

Саша проехал немного. Лошадь окончательно выбилась из сил и встала.

«Что мне теперь делать? – растерянно подумал Саша. И тотчас же выругал себя. – Ну, и дуралей я! Да мне теперь назад надо, назад!»

Он сошел с лошади, отпустил её на все четыре стороны, а сам повернул в станицу.

Пришел в станицу уже в сумерках. А когда достаточно стемнело, пробрался в бывший колхозный сад, а потом вышел в степь.

Саша был уже за станицей, у мельницы, когда вдруг припомнил, что давеча видел здесь солдата с ружьём, наверное, часового.

И ему пришла в голову дерзкая мысль: «Пусть часовой задержит меня и в штаб доставит. Что немцы возьмут с меня? Всё равно им не допытаться, кто я, зачем пришел в станицу. Ну, побьют, а потом выпустят. А я свое дело сделаю...»

Подумал-подумал и пошел к мельнице.

– Хальт! Хенде хох!

Саша мгновенно присел и опять, как давеча, почувствовал, что он робеет, что у него спирает дыхание.

Но робость уже не была такой сильной, как при первой встрече с офицером, она прошла быстро, Саша взял себя в руки.

Из-за теневой стороны мельницы шагнул человек с ружьём.

– Хенде хох! – снова грозно повторил он.

Саша не понял смысла чужих слов, но как-то угадал, что именно от него требуют. Он поднял руки. Часовой подошел. Перед ним стоял крестьянский подросток, каких он много видел в эти дни. Солдат постоял немного в какой-то нерешительности, опустил ружье и покосился на Сашины карманы. Потом потрогал их рукой. Убедившись, что карманы набиты яблоками, окончательно успокоился. Солдат взял Сашу за руку и повел за собой.

Остановились они у края глубокой и длинной балки. В свете месяца пионер различил на дне целые штабеля ящиков. Один из ящиков стоял на земле неподалёку. Крышка на нем была разломана. Поблескивая металлом, в ящике лежали снаряды. В лощине работали солдаты. Одна группа солдат покрывала штабеля каким-то большим полотнищем, по-видимому, брезентом, другая разгружала ящики с автомобиля.

«Здесь склад с боеприпасами», – мелькнуло в Сашиной голове. – Сколько ящиков! В них, наверное, тысячи снарядов».

В это время снизу, из балки, кто-то крикнул по-немецки:

– Кто задержан?

– Господин лейтенант, задержан подросток из станицы, – отвечал солдат. – Парнишка накрал в саду яблок, а сюда забрёл, чтобы съесть их.

– Прогнать немедленно! Шляются, черти, – донеслось из оврага.

Солдат повернул Сашу лицом к станице и дал ему крепкий подзатыльник.

– А все же мой план удался, хотя и не совсем так, как замышлялся, – думал Саша, уходя. – Привели к складу с боеприпасами. Это мне на руку».

Саша и не думал возвращаться в станицу. Окольным путем, балками он вышел в степь.

Станица далеко осталась позади.

Ночь стояла лунная и тёплая. Всё далеко кругом было видно. Саша отыскал на небе Большую Медведицу, а по ней и Полярную звезду. Затем он определил, где юг, восток и запад, в которой стороне находятся свои. Он был рад, что отряд научил его

многому, что он умеет теперь ориентироваться на местности. И ещё Саша был рад, что свое первое задание по разведке выполнил.

Шагал Саша по степи смело, без остановок. Всё дальше и дальше уходил он с ценными сведениями о немцах, туда, где стояла на оборонительном рубеже часть, воспитанником которой он был, где с нетерпением ждали его возвращения, где беспокоились о нём.

Публикуется по: Давыдов И. Пионер из Сталинграда //Гвардии мальчик. – Сталинград, 1948. – С. 25 – 30.